

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-88

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Серийное оформление *Е. Ферез*
Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Зошенко, Михаил Михайлович.

3-88 Возвращенная молодость : [сборник] / Михаил Михайлович Зошенко. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 480 с. — (Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-121626-9

«Возвращенная молодость» — оригинальная и крайне необычная по форме автобиографическая повесть, произведение хоть и художественное, но, по словам автора, приближенное к научной работе, большую часть которой составляют комментарии Зошенко. Главный герой — профессор астрономии Волосатов, не любивший пошлой действительности мечтатель, который все время из-за чего-то страдал и беспокоился. Когда у него серьезно ухудшилось здоровье и ни один врач не смог ему помочь, Волосатов понимает, что только сам сможет решить свои проблемы.

Можно ли изменить свою жизнь к лучшему, когда, казалось бы, ничто уже не помогает? Возможно ли вернуть молодость?

В сборник вошли и другие повести, написанные в 1930-х годах, среди которых «Возмездие», «Черный принц», «Керенский».

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121626-9

© М.М. Зошенко, наследники, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ВОЗВРАЩЕННАЯ МОЛОДОСТЬ

1. Автор приносит свои извинения

Это есть повесть о том, как один советский человек, обремененный годами, болезнями и меланхолией, захотел вернуть свою утраченную молодость. И что же? Он вернул ее простым, но все же удивительным способом.

Человек вернул свою потерянную молодость! Факт, достойный оглашения в печати. Тем не менее не без робости автор приступает к этому сочинению. Обиды и огорчения принесет, вероятно, нам эта книга.

Ах, мы тревожимся в особенности за одну категорию людей, за группу лиц, так сказать, причастных к медицине.

Эти лица, ну там, скажем, врачи, фельдшера, лекарские помощники, работники «скорой помощи», а также, ну, скажем, заведующие аптеками с ихними женами, родственниками, знакомыми и соседями, лица эти, увидав книгу, содержание которой поначалу несколько напомнит им ихнюю профессию, лица эти, несомненно, отрицательно, а может быть, даже и враждебно отнесутся к нашему сочинению.

Этих лиц автор покорнейше просит посприискать к нашему труду. Автор, в свою очередь, тоже обещает им быть снисходительным, если ему случится читать повести или там, скажем, рас-

сказы, написанные врачом, или родственником этого врача, или даже его соседом.

Автор просит у этих лиц извинения за то, что он, работая в своем деле, мимоходом и, так сказать, как свинья, забрел в чужой огород, наследил, быть может, натоптал и, чего доброго, сожрал чужую брюкву.

2. Некоторая необычайность нашего сочинения

Наша повесть на этот раз мало похожа на обычные литературные вещицы. Она мало также похожа и на наши прежние художественные вещички, написанные наивной, грубоватой рукой в спехе нашей молодости и легкомыслия.

Нет, с одной стороны, это сочинение тоже можно будет назвать художественным. Тут будет и художественное описание картин нашей северной природы, описание бережков, ручейков и опушек леса. Тут будет интересный и даже занимательный сюжет. Тут будут разные сложные и сердечные переживания героев, а также рассуждения и добровольные высказывания этих героев о пользе текущей политики, о мировоззрении, о перестройке характеров и о славных грядущих днях.

Здесь будет все, чего ждет читатель от книги, которую он взял почитать вечером, чтобы рассеять свои дневные заботы и чтоб окунуться в чужую жизнь, в чужие переживания и в чужие помыслы.

Но это только с одной стороны. А с другой стороны, наша книга — нечто совершенно иное. Это такое, что ли, научное сочинение, научный труд, изложенный, правда, простым, отчасти бестолковым бытовым языком, доступным в силу знакомых сочетаний самым разнообразным слоям населения, не имеющим

ни научной подготовки, ни смелости или желания узнать, что творится за всей поверхностью жизни.

В этой книге будут затронуты вопросы сложные и даже отчасти чересчур сложные, отдаленные от литературы и непривычные для рук писателя.

Такие вопросы, как, например, поиски потерянной молодости, возвращение здоровья, свежести чувств, и так далее, и тому подобное, и прочее. А также будут затронуты вопросы о переустройстве всей нашей жизни и о возможностях этого переустройства, о капитализме и о социализме и о выработке мировоззрения. А кроме того, мы коснемся и других, не менее важных вопросов, взятых в самом их наивысшем значении и в свете текущих дней.

3. На что похоже наше сочинение

Ну, если это и не научный труд, если, скажем, Академия наук или там, скажем, секция научных работников, согласовавшись с горкомом и Союзом писателей, не найдет здесь признаков научного сочинения или найдет эти признаки, но не считает автора в достаточной степени овладевшим марксистско-ленинским мировоззрением, то в таком случае эту книгу можно будет обозначить более средним, более, так сказать, безобидным названием, не раздражающим зрения и слуха отдельных граждан и организаций.

Пусть эта книга называется, ну, скажем, культур-фильм. Пусть это будет такой, что ли, культур-фильм, вроде как у нас бывали на экране: «Аборт», или там «Отчего идет дождь», или «Каким образом делают шелковые чулки», или, наконец, «Чем отличается человек от бобра». Такие бывают фильмы на крупные современные научные и производственные темы, достойные изучения.

Так же, как и в этих фильмах, сначала у нас будет идти научное рассуждение с разными сносками, справками о том о сем, с разными комментариями и, может быть, даже диаграммами и статьями, окончательно разъясняющими суть дела.

И уже только потом читатель, слегка утомленный и пришибленный чужими мыслями, получит порцию занимательного чтения, которое и явится вроде как бы наглядной иллюстрацией к вышеизложенным мыслям и рассуждениям.

Конечно, умы нетерпеливые, не привыкшие идти на поводу, а также умы, ну, скажем, негибкие, грубоватые или, что ли, низменные, не имеющие особого интереса к различным явлениям природы, кроме выдачи продуктов питания, — эти умы могут, конечно, отбросить начало и комментарии, с тем чтобы сразу приступить к инцидентам и происшествиям и сразу, так сказать, получить порцию занимательного чтения.

В таком случае они без ущерба для себя прочтут, начиная с 17-й главы, правдивую повесть об удивительной жизни одного человека, который в наши реальные дни, в дни, так сказать, торжества материализма и физиологических основ, возвратил свою молодость и тем самым имел смелость и счастье соперничать в умении с самой природой или, как до революции говорили, с самим Господом Богом.

4. Любовь автора к медицине

Конечно, автор принужден сказать, что он человек, ну, что ли, невежественный в вопросах медицины. Не то чтобы невежественный, ну, не совсем, что ли, на все ноги подкованный, не совсем, что ли, разбирающийся в отдельных мелких, разнообразных

и часто ужасно запутанных деталях этой науки. Тем не менее, по ходу повести, автор принужден будет затрагивать кой-какие передовые медицинские вопросы о том о сем, ну, там о неврастении, о нарушенном равновесии, об упадке сил и о причинах этих явлений.

Не то чтобы автор решительно ничего не смыслил в этом деле. Нет, он кое-что представляет себе. Но, конечно, это представление не такое уж окончательно твердое. Не такое, что вот разбуди человека ночью, и он тебе сразу все объяснит и все спросонок расскажет — где чего бывает, и зачем бывает, и как то или иное по-гречески называется, и что такое рак, и в каком боку у населения почки, и для какой цели природа пристроила человеку селезенку, и почему, в сущности, этот запутанный и даже отчасти мизерный орган называется этим довольно-таки легкомысленным названием, заметно снижающим человеческую природу в ее обычном величии.

Нет, автор, конечно, не врач, и знания его в этой сфере ограничены. Тем не менее с детских лет автор имел глубокий и даже исключительный интерес к медицине и даже одно время пробовал было лечить своих менее ценных родственников разными домашними химическими средствами — йодом, дегтем, глицерином, травой, которую жрут собаки при заболевании, и психическими воздействиями. Каковое лечение, надо сказать, иной раз сходило довольно успешно и не всегда заканчивалось смертельным исходом того или другого зазевавшегося родственника.

Но не только к своим родственникам, но и ко всем людям автор присматривался с нескрываемым любопытством, следил, так сказать, за ежедневной игрой ихних организмов и за тем, кто сколько прожил, чем захворал и от чего именно помер. И что такое грипп. И что такое старость. И почему наступает увядание.

И что надо делать, чтобы задержать быстрое течение дорогой нашей жизни.

И, надо сказать, неутешительные картины открывались постепенно перед изумленным взором автора.

5. Неутешительные картины

Ну, еще лет до тридцати пяти, сколько мог заметить автор, люди живут сносно, трудятся на своем поприще, веселятся, тратят безрассудно то, что им отпущено природой, а после этого по большей части начинается у них бурное увядание и приближение к старости. Автор имеет в виду так называемую интеллигентскую прослойку, причем прослойку, имеющую прежние мелкобуржуазные привычки и традиции. Автор не касается в данном случае, так сказать, восходящего класса, по той простой причине, что тут нервное здоровье в достаточной степени благополучно. Однако кое-что будет сказано и о пролетарском здоровье, о здоровье тех людей, кои сейчас, по роду своих обязанностей, прикоснулись к систематическому умственному труду и нажили на этом деле неврастению.

У них пропадает вкус ко многим хорошим вещам. Морда у них тускнеет. Ихние глаза с грустью взирают на многие приличные и недавно любимые вещи. Их захватывают разные удивительные и даже непонятные болезни, от которых врачи впадают в мудрое созерцательное состояние и приходят в беспокойство за беспомощность своей профессии.

Этих больных захватывают также болезни более понятные и, так сказать, общедоступные, описанные в учебниках, как, например: меланхолия, водянка, параличи, сахарная болезнь, туберкулез, и так далее, и тому подобное, и прочее.

Захворавшие выезжают тогда поскорей со своими болезнями и чемоданами на разные курорты и побережья в поисках своей утраченной молодости. Они купаются в море, ныряют и плавают, валяются часами на самом ужасном солнцепеке, шляются по горам и пьют специальные и слабительные воды. Еще более от этого хворают и с почтением взирают на врачей, ожидая от них чудес, возвращения потерянных сил и восстановления утраченных соков.

Врачи делают больным спринцевания и прижигания, купают их в ваннах, ставят им с научной целью разные клизмы и клизмочки из соленых и минеральных вод. Или ведут с больными беседы о чисто нервных явлениях со стороны организма, убеждая при этом больного отказаться от губительных мыслей и поверить в то, что он здоров как бык и что болезненные явления у него суть нечто воображаемое, вроде как бы даже фантазия, не имеющая под собой никакой реальной почвы. Это последнее совершенно запутывает простодушного больного и примиряет его с мыслью о близкой кончине. К тому же неумолимые силы природы и нарушенное привычное равновесие по большей части мало поддаются дальнейшим ухищрениям науки и животительным свойствам водолечения. И захворавший нередко заканчивает свое земное шествие, так и не узнав окончательно, что, собственно, с ним случилось и какую роковую ошибку он совершил в своей жизни.

6. Еще более неутешительные картины

Тогда, думая, что эти наблюдения, как бы сказать, чисто случайные, что эти наблюдения производились над людьми, здоровье и нервные силы которых подорваны многими и различными потрясениями — во-

йной, революцией и всем, так сказать, своеобразием нашего быта, — автор тогда, не доверяя виденному, обернулся назад и нарочно прочел биографии и описания жизней всех сколько-нибудь известных и знаменитых людей прежних эпох и столетий*.

И нет. Еще более неутешительные картины раскрылись перед автором.

Еще более бурное увядание, еще более сложные и непостижимые болезни, еще более ужасную меланхолию, хандру, разочарование, презрение к людям (I)**, ипохондрию и еще более раннюю смерть можно было видеть на этом, так сказать, великом интеллигентском фронте.

Большой черный список можно составить из этих рано погибших великих людей (II).

Одни умирали, едва достигнув зрелого возраста, другие едва дотягивали до сорока лет, третьи, перешагнув сорокалетний возраст, влачили тем не менее жалкое существование и все равно как бы погибали для общества.

Они бросали свою славную работу (III), они целые дни валялись на оттоманках в рваных войлочных туфлях, курили трубки, грустили, бранились с женами, плакали и ныли, писали, скуки ради и чтоб забыться,

---

* Автор предпочел бы прочесть биографии обыкновенных, невеликих людей, но история, к сожалению, не имеет другого материала. Впрочем, в этом смысле наша параллель и сравнение до некоторой степени будут правильны. Люди нашей революционной эпохи иной раз тратят нервную силу не в меньшей степени, чем тратили ее так называемые великие люди.

** Римские цифры здесь и в дальнейшем указывают на то, что к данному тексту имеются комментарии в конце книги. Однако для удобства чтения автор советует читать повесть, не обращаясь к комментариям. При чтении же комментариев следует посмотреть, к какому именно тексту они относятся.

свои мемуары о своей прекрасной героической молодости или сочиняли богословские и религиозные трактаты, поскольку для этой мелкой цели не требуется вдохновения (IV) и полного бурного творческого здоровья, подъема и того физического благополучия, которое было в молодости (V).

7. Великие люди

Но что наиболее всего удивило автора — это одна черта из жизни этих знаменитых людей, живших в прошлых веках. Это такое, что ли, примирение и покорность судьбе и даже какое-то нежелание бороться со своими болезнями.

Свои болезни они нередко считали проявлением божьей воли, или особым коварством судьбы, или своей склонностью к неудачам и после небольшого курса, главным образом водолечения, безропотно сносили то, что с ними случалось, не делая даже попыток заглянуть в глубь вещей, чтоб найти причину и понять физическое происхождение своих недугов.

Но можно сказать, к великому счастью, не все в этом смысле были одинаковы.

Одна категория людей отличалась особою крепостью здоровья и имела, не в пример прочим, продолжительную жизнь — это люди, склонные к раздумью и, так сказать, не идеалистическому пониманию жизни. Это главным образом всякого рода философы, ученые-натуралисты, химики, естествоиспытатели и вообще всякого рода профессора и мудрецы, кои по роду своей профессии чего-то такое сообщали, чего-то такое думали о разных свойствах природы.

Одним словом, это были люди, которые не только сочиняли оды или там, скажем, сюиты и симфонии, не только рисовали красками разные «Закаты», и «Восходы», и «Опушки леса», но и добросовестно задумывались о своей жизни и о своем на редкость сложном организме, и об управлении им, и о своем отношении к окружающему.

Эти по-настоящему великие люди — чаще всего безбожники и материалисты — все почти доживали до глубокой старости и спокойно, без лишних ахов, криков и причитаний, отходили, как говорилось раньше, «в царство теней и неизвестности».

Они мало чем хворали и даже, напротив того, приближаясь к старости, отличались все большим и большим здоровьем.

Они мало суетились, не делали бестолковых вещей и мужественно шли к своей цели, не дорожа, в сущности, даже своей продолжительной жизнью.

Не без сердечного трепета автор прочел биографию Вольтера, который, несмотря на превратности судьбы и гонения со всех сторон, изволил прожить до восьмидесяти четырех лет.

Знаменитый греческий врач Гиппократ, «отец медицины», как его называли, то есть, значит, человек, целиком понимающий всю физическую суть дела, прожил до девяноста девяти лет.

А некто Демокрит, по-видимому, самый мудрый человек из всех живущих, греческий философ и родоначальник материализма* отхватил сто два года и помер с улыбкой, говоря, что он мог бы прожить и дольше, если б к тому стремился (VI).

---

* Существенные черты его учения о материализме остались почти неизменными у материалистов нашего времени.

8. Так сказать, «секрет вечной молодости»

Нет, зря на свете ничего не бывает. Автор полагает и даже уверен, что эти профессора и ученые люди чего-то такое узнавали, отыскивали какой-то, может быть, секрет или, скажем, не секрет, а какую-нибудь там подходящую, единственно нужную линию поведения и, пользуясь этим, беспечно жили*, регулируя свою жизнь и свой организм, как, скажем, рабочий или там мастер регулирует свой токарный станок.

Но этот секрет личного своего благополучия и долголетия профессора, как на грех, уносили в могилу.

Конечно, кое-что отвлеченное было сказано по этому поводу. Одни говорили на тему о равновесии тела и души. Другие туманно рассуждали о необходимости быть ближе к природе или, во всяком случае, не мешать ей и вообще ходить босиком.

Третьи советовали ничему не удивляться и не отрываться от масс, говоря, что мудрость всегда спокойна.

Некоторые, спускаясь с заоблачных высот и не говоря пышных слов о душе, велели получше следить за мелкими естественными свойствами своего тела, советуя при этом кушать простоквашу, всецело рассчитывая, что это вегетарианское блюдо дает особо продолжительную жизнь, не позволяя микробам без толку скопляться в наших внутренностях и в пошлых закоулках организма, имеющих от природы низменное и второстепенное значение.

Однако автор в бытность свою учеником знал одного преподавателя, который много лет подряд кушал эту молочную диету и, захворав неожиданно легким

---

* Бывая нередко даже в разладе со своей эпохой.

гриппом, как говорится, «дал дуба», оплакиваемый своими родственниками и учениками. Причем родственники и ученики в один голос утверждали, что вот именно пристрастие к кислому молоку и подкосило больного, подорвав его силы настолько, что ослабленный организм не смог сопротивляться такой, в сущности, пустячной болезни.

9. Отчего не поговорить об интересных вещах

Не желая даже намеком унижать или в чем-либо упрекать великих людей, автор все же хочет отметить, что ничего особенно путного и положительно-го, а главное, доступного и понятного всем людям не было сказано в этой области*.

И мудрые старцы, знавшие что-то такое про себя, отходили в иной мир, так и не осчастливив своих ближних.

Нет, конечно, автор не имеет намерения сейчас сказать: вот, мол, старцы померли со своим секретом, а вот автор, молодец и сукин сын, открыл этот секрет и сию минуту осчастливит человечество своим нестерпимым открытием. Нет. Все обстоит гораздо проще и, может быть, даже обидней. Все, что будет говорить автор, по всей вероятности и даже несомненно, известно отделу здравоохранения и медицине.

И если автор имеет намерение говорить о таких вещах своим слабым, заплетающимся языком, то отчего не поговорить в доступной форме об интересных

---

* Мы в данном случае не говорим о науке, величайшие открытия которой позволяют надеяться на благополучный исход борьбы человека за молодость и долголетие.

вещах, о вещах, которые всем любопытны и всем занимательны.

Люди в свободное от занятий время изучают литературу, говорят о музыке, собирают марки, сушат бабочек, букашек и разных там, я извиняюсь, навозных жучков, но автор подозревает, что единственная настоящая тема после политики (что, в сущности, будет в конечном счете почти одно и то же, ибо социальное переустройство общества ведет к новым, здоровым формам жизни, а стало быть, и к новому здоровью), — так единственная тема, которая у всех почти на уме, которая всем почти близка, и понятна, и необходима, как вода, как еда и как солнце, — это наша жизнь, наша молодость, наша свежесть и наше умение распоряжаться этими драгоценными дарами.

10. Потерянное здоровье

Сколько мог заметить автор, здоровье, главным образом среди вышеуказанной интеллигентской прослойки, несколько ухудшилось и покачнулось.

Автор имеет подозрение, что здоровье, во всяком случае нервное здоровье, всех людей, всех категорий, всех стран и всех классов и состояний значительно снизилось за последние столетия.

В самом деле, иной раз просто с удивлением и тревогой читаешь старинные книги, где описываются похождения героев самых разнообразных классов и профессий.

Вот это были на редкость молодцы и здоровяки. Вот это были сильные и даже могучие характеры. Вот это были обжоры и пьяницы, какие нам и во сне не снились.